

Н. А. Червяков

**Подходы к патристической эстетике
у А. Ф. Лосева и В. В. Бычкова:
предварительные замечания**

УДК 1(470)(091)+7.01:27
DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_159
EDN MSGMSP

Аннотация: Данная статья представляет собой предисловие к публикации отзыва А. Ф. Лосева на автореферат докторской диссертации В. В. Бычкова. В статье предпринимается попытка посмотреть на взаимные отражения двух мыслителей в их творчестве. Также в статье анализируются ключевые понятия патристической эстетики, нашедшие выражение в работах Лосева и диссертации Бычкова: «образ», «прекрасное», «искусство». Кроме того, особое внимание уделяется понятию «модель», актуальному для позднего творчества Лосева. Показывается связь между парами понятий «первообраз» — «образ» и «первичная модель» — «моделируемая копия» в философии Лосева. В заключение обсуждается проблема прекрасного, идея креационизма и взаимодействие материи и духа.

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, В. В. Бычков, патристика, эстетика, образ, прекрасное, искусство, произведение искусства.

Об авторе: **Николай Александрович Червяков**

Старший научный сотрудник библиотеки-музея «Дом А. Ф. Лосева», преподаватель Московского техникума креативных индустрий им. Л. Б. Красина.

E-mail: kola.cska2@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2250-3476>

Для цитирования: Червяков Н. А. Подходы к патристической эстетике у А. Ф. Лосева и В. В. Бычкова: предварительные замечания // Русско-Византийский вестник. 2025. № 4 (23). С. 159–168.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 14.10.2025.

Nikolai A. Cherviakov

**A. F. Losev and V. V. Bychkov's
approaches to patristic aesthetics:
introductory remarks**

UDC 1(470)(091)+7.01:27

DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_159

EDN MSGMSP

Abstract: This article is a preface to the publication of A. F. Losev's review of V. V. Bychkov's abstract of the doctoral thesis. In this article, there is an attempt to investigate the mutual reflections of these two thinkers in their works. The article also deals with the analysis of key concepts of patristic aesthetics expressed in Losev's works and Bychkov's thesis: image, the beautiful, and art. Besides, particular attention is paid to the concept of "model", which is actual in late Losev's works. The connection between the couples of concepts ("prototype" – "image" and "primary model" – "modeled copy») is shown. In the conclusion, the problem of the beautiful, the idea of creationism, and the mutual effect of matter and mind are discussed.

Keywords: A. F. Losev, V. V. Bychkov, patristics, aesthetics, image, the beautiful, art, work of art.

About the author: Nikolai Aleksandrovich Cherviakov

Research fellow at the Scientific Library and Museum "Losev House", Lecturer at Krasin Moscow Technical School of Creative Industries.

E-mail: kola.cska2@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2250-3476>

For citation: Cherviakov N. A. A. F. Losev and V. V. Bychkov's approaches to patristic aesthetics: introductory remarks. *Russian-Byzantine Herald*, 2025, no. 4 (23), pp. 159–168.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 14.10.2025.

Сопоставление взглядов Алексея Федоровича Лосева и Виктора Васильевича Бычкова — это в первую очередь выяснение связи учителя и ученика. Чаще всего бывает так (и это привычно), что пишут об учителе его ученики. Так и Бычков писал, конечно же, про Лосева («Слово о Лосеве»¹, «Первоосновы эстетики по Лосеву»², «Выражение как главный принцип эстетики Лосева»³, «Эстетический космос Лосева»⁴, «Эстетическая теория Лосева»⁵ и другие работы). Кроме того, Бычков был одним из участников так называемой «Арбатской академии» или так называемого «Круга Лосева» (понятие, которое сейчас разрабатывает и обосновывает исследователь лосевского наследия А. А. Гравин⁶). Однако в этой связи «учитель — ученик» можно наблюдать и некоторое слово учителя об ученике. Образчиком такого слова может как раз являться отзыв Лосева на автореферат докторской диссертации Бычкова «Эстетические идеи патристики» (1981). Потому интересным представляется взглянуть на своеобразные взаимные отражения Лосева и Бычкова в их текстах. Для этой цели возьмем отзыв Лосева на диссертацию Бычкова и статью самого Бычкова «Эстетическая теория Лосева». При этом есть три смысловых момента, через которые это отражение лучше всего проследить, — это понятия 1) образа, 2) прекрасного и 3) искусства.

В. В. Бычков за беседой с А. Ф. Лосевым,
1983 г.

Начнем с понятия образа и со статьи Бычкова, где он разбирает эстетику Лосева, но не «Историю античной эстетики» и другие историко-эстетические работы, а труд, который посвящен исключительно эстетической проблематике. Речь о «Диалектике художественной формы», в которой можно наблюдать влияние не только классического неоплатонизма (учения Плотина в первую очередь), но и византийского неоплатонизма.

В «Диалектике художественной формы» Лосев выделял так называемый «спецификум художественности», заключающийся в особом воплощении первообраза в образе. В частности, он писал: «В чем же спецификум художественности? Спецификум заключается в адекватной выраженности смысла, или в адекватной соотношенности смысла с вне-смысловым фоном. Назовем эту совершенную выраженность смысла первообразом»⁷. Комментируя этот отрывок из «Диалектики

¹ Бычков В. В. Слово о Лосеве // Литературная учеба. 1988. № 1. С. 154–155.

² Бычков В. В. Первоосновы эстетики по Лосеву // Символ. 1990. № 24. С. 183–203.

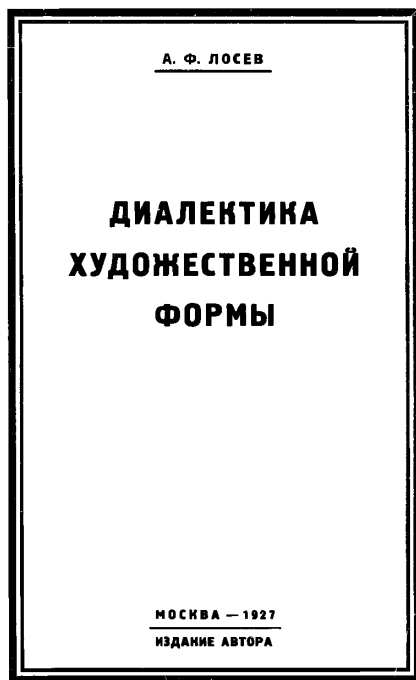
³ Бычков В. В. Выражение как главный принцип эстетики А. Ф. Лосева // А. Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. М.: Наука, 1991. С. 29–37.

⁴ Бычков В. В. Эстетический космос Лосева. К 100-летию со дня рождения // Философия. Филология. Культура: К столетию со дня рождения А. Ф. Лосева (1893–1993). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 109–115.

⁵ Бычков В. В. Эстетическая теория Лосева // Алексей Федорович Лосев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 31–61.

⁶ См. доклад А. А. Гравина «Круг А. Ф. Лосева как объект социологического и историко-философского исследования», прочитанный 18 октября 2023 г. в рамках совместного семинара Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева и Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ. URL: <https://igiti.hse.ru/news/869809748.html> (дата обращения: 15.07.2024).

⁷ Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 110.

Обложка первого издания
«Диалектики художественной формы»
(1927)

Данные идеи Лосева не канули в лету после испытаний 1930–40-х гг. В зрелом творчестве мыслителя они также нашли свое выражение, но в несколько измененном виде. Дело в том, что взгляд на проблему произведения искусства и природы искусства в целом в 1960–1970-е гг. в русской гуманитарной науке был по преимуществу структуралистским, опирающимся на представление о первичности языка как модели реальности, фундирующей и структурирующей производство других лингвистических и нелингвистических моделей. Именно понятие модели становится краеугольным камнем в дискуссии Лосева со структуралистами.

Американский славист Роберт Бёрд (1969–2020) предложил различать смысловые содержания лосевских понятий «символ», «миф» и «модель»: «В отличие от понятий символа и мифа, которые растворяют собственно эстетическое — чувственную предметность произведений искусства — в смысле, модель позволяет Лосеву держать вместе предметность и смысл как предметность смысла и осмысленность предмета, которые для него совпадают в понятии стиля»⁸.

Понятие модели разрабатывается Лосевым в написанной в соавторстве с М. А. Тахо-Годи книге «Эстетика природы: Природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана». Модель для Лосева есть и порождающая структура произведения искусства («совокупность всего художественного и внехудожественного, что обратило на себя внимание художника, взволновало его и повелительно заставило взять в руки перо или кисть и направлять их работу только в одну определенную сторону»¹¹), и моделируемая

художественной формы», Бычков отмечает: «В процессе создания или восприятия произведения искусства происходит постоянное сравнение конкретной художественной формы (равно образа) с этим „первообразом“, который, однако, не существует нигде, кроме как в данной художественной форме, хотя и потенциально содержится в самой выражаемой (равно выражающей) смысловой предметности, и который, собственно, и является целью произведения искусства»⁸. Однако Бычков отмечает, что этот первообраз у Лосева не содержится где-то вне произведения искусства, как у Плотина или Феодора Студита. Лосев в данном случае отходит от неоплатонической концепции и ведет речь об исключительно художественном смысле произведения искусства, который имеет бытие только внутри самого этого произведения искусства. Здесь мы встречаемся с диалектикой образа и первообраза (и подтверждением тому цитата из «Диалектики художественной формы»): «Художник творит форму, но форма сама творит свой первообраз. Художник творит что-то одно определенное, а выходит — две сферы бытия сразу, ибо творимое им нечто есть как раз тождество двух сфер бытия, образа и первообраза одновременно»⁹.

⁸ Бычков В. В. Эстетическая теория Лосева. С. 42.

⁹ Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. С. 82.

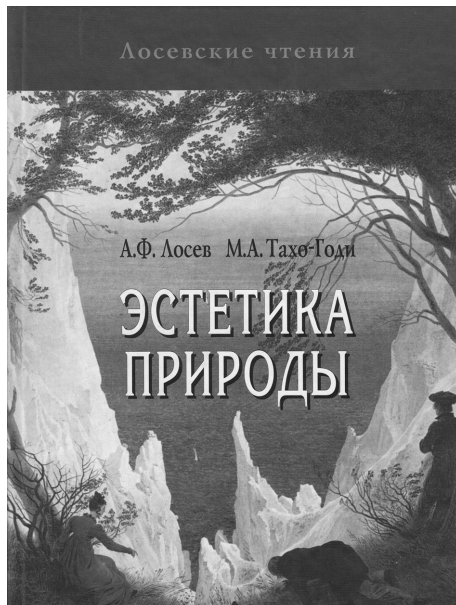
¹⁰ Бёрд Р. Символизм после символизма. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 164.

¹¹ Лосев А. Ф., Тахо-Годи М. А. Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана. М.: Наука, 2006. С. 9.

копия, которая возникает в процессе творчества художника. Для разделения двух этих моментов в книге «Эстетика природы» вводится понятие «первичная модель», которое увязывается именно «со структурным характером нашего первообразца»¹². Таким образом, становится проясненной генетическая связь между диалектикой образа/первообраза в «Диалектике художественной формы» и диалектическим характером взаимодействия «первичной модели» и моделируемой копии в зрелом творчестве Лосева.

Что касается лосевского отзыва, то в нем он анализирует диссертацию Бычкова, также обращаясь к понятию образа. Лосев отмечал, что Бычкову удалось оживить и сделать понятными все давно ушедшие в глубь веков средневековые концепции и учения. Далее, отмечает Лосев, Бычков «весьма наглядно и убедительно обнаруживает несводимость формулируемой в те времена образности на простое натуралистическое копирование. Он доказывает и логически постулирует необходимость в патристической эстетике также и тех духовных предметов и тех высоких предметов, которые в те времена только и делали художественный образ чем-то идейным и глубоко осмысленным»¹³. Лосев отмечает, что из анализа эстетических учений Бычкова можно прийти к «весьма понятному и необходимому убеждению в том, что эта диалектика образа и его предметного смысла одинаково характерна и для тех времен, и для современной нам эстетики. Иерархический характер образности, столь абстрактный и непонятный для современного читателя патристической литературы, становится в изложении Бычкова весьма конкретным и весьма понятным принципом художественного образа и — опять-таки совершенно одинаково — и для той литературы и для нас»¹⁴. Далее Лосев подчеркивает значимость предпринятого Бычковым строго хронологического анализа патристических учений, от апологетов II в. до споров об иконопочитании VIII–IX вв. Однако еще более ценной он признает попытку Бычкова «вскрыть рациональный, а точнее сказать, самый доподлинный диалектический смысл патристического учения об образе в связи с учением о сущности и явлении»¹⁵.

Теперь о категории прекрасного. В своей статье Бычков справедливо отмечает разделение Лосевым понятий эстетического, прекрасного и художественного. Собственно, эстетическое Лосев понимал как наиболее общую категорию эстетики. Он развел ее и с категорией прекрасного, и с категорией художественного. В частности, в «Диалектике художественной формы» Лосев писал, что: «1) прекрасное отнюдь не то же самое, что эстетическое. Эстетическое шире: сюда входит возвышенное, низменное, трагическое, комическое и т.д. Прекрасное — один из видов эстетического. 2) Прекрасное — не то же самое, что художественное. Когда мы мыслим художественное,

Впервые изданная в 2006 г. монография «Эстетика природы: Природа и ее стилевые функции у Романа Ролана», написанная А. Ф. Лосевым в соавторстве с Муминат Алибековной Тахо-Годи (1931–2021), родной сестрой спутницы жизни Лосева Азы Алибековны Тахо-Годи (1922–2025), специалистом по истории французской литературы

¹² Там же. С. 25.

¹³ См. публикуемый текст А. Ф. Лосева.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

мы всегда имеем в виду искусство, произведения искусства, т.е. осуществленное творчество. Эстетическое же только еще есть то, что должно осуществиться в виде искусства»¹⁶.

Здесь сразу же необходимо упомянуть и понимание Лосевым искусства, поскольку художественное есть его главная категория. Лосев под искусством понимает (словами Бычкова) «некое сложное многоуровневое целостное динамически развивающееся образование, имеющее бытие в постоянном становлении художественной формы в акте снятия антитетичности между смысловой предметностью и художественным фактом»¹⁷. Также можно назвать это «игрой первообраза с самим собой»¹⁸. В частности, в уже не раз цитированной «Диалектике художественной формы» это выражено следующим образом: «Видя, как чувственные качества и смысловые данности оформляются под влиянием первообраза, оставаясь во всей своей полноте и нетронутости и качествами, и смыслами, мы созерцаем эту удивительную игру в художественной форме, где все становится первообразом и не становится им, чувствуется как первообраз и не чувствуется как первообраз и т.д.»¹⁹.

Необходимо также сказать и о данной Лосевым характеристике докторской диссертации Бычкова касательно рассмотрения в ней категории прекрасного (про патристическую оценку искусства, описанную Бычковым, Лосев в своем отзыве не высказывается). В частности, одним из достоинств диссертации Лосев называет выдвигание на первый план в эстетической проблематике идеи креационизма. Бычков не растворил патристику II–V вв. в близких ей концепциях античных платоников, стоиков и неоплатоников, что могло бы быть возможным при чисто формальном рассмотрении данных учений. При анализе патристической эстетики проблема прекрасного в особенности встает, когда речь заходит о материи, материальном начале. Так, пишет Лосев, «в своем анализе эстетики Августина В. В. Бычков прекрасно показал, что материя отвергается в тогдашней патристике отнюдь не целиком, отнюдь не вся и отнюдь не всякая, но только злая, антидуховная. Августин с полной ясностью показывает необходимость применения материального принципа и в общей эстетике прекрасного и в таких формальных эстетических категориях, как порядок, число и ритм. Такая патристическая эстетика не принижает материю, но только одухотворяет ее и не откидывает ее в результате какого-нибудь абстрактно-метафизического негативизма, но пользуется этим принципом и для формул эстетического удовольствия, для плотской, но в то же самое время возвышенной любви и для оправдания неискоренимых человеческих стремлений ввысь...»²⁰

Итак, одним из главных достоинств диссертации Лосев считает исследование идеи креационизма в патристике. Это та идея, которая преображает взгляд на красоту и отличает красоту античную от красоты христианской. Суть последней можно передать словами Вячеслава Иванова: «...Мы встречаем Красоту всякий раз как Бытие, лежащее в основе становления <...>. Становление само по себе некрасиво, и лишь Бытие, его несущее, придает ему Красоту»²¹.

В публикуемом отзыве А. Ф. Лосева сохранены оригинальные орфография, пунктуация и подчеркивания.

¹⁶ Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. С. 133.

¹⁷ Бычков В. В. Эстетическая теория Лосева. С. 45.

¹⁸ В качестве примечания отмечу, что другой известный житель Арбата писатель С. Д. Кржижановский (1887–1950) примерно в те же годы осмыслил в работе «Философема о театре» феномен театра через игру первообраза личности с самим собой. См.: *Кржижановский С. Д. Собр. соч.*: В 6 т. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 43–88.

¹⁹ Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. С. 112.

²⁰ См. публикуемый текст А. Ф. Лосева.

²¹ Иванов В. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1979. С. 649.

Источники и литература

1. Бычков В. В. Слово о Лосеве // Литературная учеба. 1988. № 1. С. 154–155.
2. Бычков В. В. Первоосновы эстетики по Лосеву // Символ. 1990. № 24. С. 183–203.
3. Бычков В. В. Выражение как главный принцип эстетики А. Ф. Лосева // А. Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. М.: Наука, 1991. С. 29–37.
4. Бычков В. В. Эстетический космос Лосева. К 100-летию со дня рождения // Философия. Филология. Культура: К столетию со дня рождения А. Ф. Лосева (1893–1993). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 109–115.
5. Бычков В. В. Эстетическая теория Лосева // Алексей Федорович Лосев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 31–61.
6. Иванов В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1979.
7. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Симпозиум, 2006.
8. Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М.: Мысль, 1995.
9. Лосев А. Ф., Тахо-Годи М. А. Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана. М.: Наука, 2006.

А. Ф. Лосев

**Отзыв об автореферате диссертации В. В. Быčkова
«Эстетические идеи патристики II–V вв. н. э. (критический анализ)»
(М., 1980), представленной на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Уже с внешней стороны диссертация В. В. Быčkова производит весьма оригинальное и глубоко впечатление. Но это впечатление только усиливается, когда от рассмотрения внешней стороны диссертации мы переходим к анализу ее внутренних идей. Для В. В. Быčkова избранная им для исследования область патристической эстетики ни в каком смысле не является чем-то изолированным, оторванным от живой действительности, будь то история или будь то наша современность. Автор хочет связать разработку своей темы даже и с нашей теперешней борьбой за правильный идеологический путь в эстетике¹. Им привлекаются также и нехристианские писатели, оказавшие влияние на раннюю патристику. Но даже и сама эта патристика ни в каком случае не трактуется у В. В. Быčkова как нечто неподвижное, как нечто монотонное или как нечто метафизически изолированное.

Не остаются без внимания также и многие последующие века, для которых ранняя патристика послужила основой и руководящим принципом. Все это заставляет В. В. Быčkova рассматривать патристику II–V вв. как переходный период, но не лишенный собственного культурно-исторического лица и своей собственной исторической специфики. Другими словами, первое и, пожалуй, самое основное качество диссертации заключается в умении диссертанта проникать в живой дух истории данного периода эстетики и находить тонкие и яркие его формулировки. Дух историзма — вот чем проникнуты богатые разнообразными материалами все основные страницы диссертации. Прибавлю к этому также и то, что этот дух историзма всегда возникал и давал очень важные исторические плоды не только под влиянием марксистско-ленинской методологии, но и с сознательным и последовательным применением ее во всех основных областях работы В. В. Быčkова. Материализм сказался здесь не только в точном отражении непреодолимых фактов исторической действительности, но и в попытках связать изучаемую здесь патристику II–V вв. с уходящими, уже обреченными формами античного рабовладения, а с другой стороны, с весьма заметными в те времена ростками наступающей огромной эпохи

феодализма. Последнее обстоятельство я особенно приветствую потому, что в этой области соотношения поздней античности с растущей феодализацией античного рабовладения еще и до сих пор остается много неясных моментов. И в современной исторической науке еще не создан такой аппарат тончайших исторических категорий, который позволял бы давать здесь краткие и ясные и в то же время безупречные научные формулы. В этом трудном деле диссертация В. В. Бычкова несомненно играет большую положительную роль.

Что касается специальной тематики из области патристических теорий эстетики, то я должен приветствовать ясное и простое и совершенно необходимое разделение трех основных проблем — прекрасного, или красоты, образа и искусства.

В области основной эстетической проблематики, а именно в учении об эстетическом первопринципе В. В. Бычков совершенно правильно выдвигает на первый план максимально оригинальную идею — это идею креационизма. Здесь нужно особенно подчеркнуть заслугу диссертанта, поскольку он не растворил патристику II–V вв. в очень близких, с первого взгляда, учениях античных платоников, стоиков и неоплатоников. Формально рассуждая, многие не видят никакого глубокого различия между каппадокийцами и платониками или между Ареопагитиками и неоплатоником Проклом. При всем формальном сходстве ранней патристики со всеми такого рода античными учениями здесь залегала та историческая бездна, которая означала собою духовную революцию при переходе от рабовладения к феодализму. Платоновские элементы действительно весьма заметны в патристике II–V вв. Но как же ошибется всякий исследователь, если он будет игнорировать патристический креационизм! В. В. Бычков не поддался этому историческому соблазну и при всем сходстве ранней патристики с античными философскими теориями не только не упустил из виду патристическую специфику, но поставил своей задачей безоговорочно и последовательно ее формулировать. Вытекающая из этой специфики патристическая структура общественной иерархии тоже не забыта В. В. Бычковым и изложена как раз с точки зрения ее креационистской диалектики, целиком отсутствующей даже у Платона, даже у Плотина и даже у Прокла. Правильно поступает В. В. Бычков также и в том, что он не идет рука об руку с традиционным даже для высокой науки историческим предрассудком относительно патристического негативизма в оценке материальных сторон действительности. Я мог бы к этому прибавить, что уже сама идея антроптеизма нисколько не принижала в те времена материю в качестве положительного принципа действительности, а скорее только возвышала ее. Но и без этого в своем анализе эстетики Августина В. В. Бычков прекрасно показал, что материя отвергается в тогдашней патристике отнюдь не целиком, отнюдь не вся и отнюдь не всякая, но только злая, антидуховная. Августин с полной ясностью показывает необходимость применения материального принципа и в общей эстетике прекрасного и в таких формальных эстетических категориях, как порядок, число и ритм. Такая патристическая эстетика не принижает материю, но только одухотворяет ее и не откидывает ее в результате какого-нибудь абстрактно-метафизического негативизма, но пользуется этим принципом и для формул эстетического удовольствия, для плотской, но в то же самое время возвышенной любви и для оправдания неискоренимых человеческих стремлений ввысь и к лучшему будущему. Анализ учения о красоте в ранней патристике, проводимый В. В. Бычковым, нужно не только приветствовать, но необходимо также высказать сожаление о том, что В. В. Бычков не пошел еще дальше в этом отношении и не стал привлекать дальнейших и тоже весьма обширных исторических материалов. Правда, здесь он был ограничен размерами своей работы.

Мне очень хотелось бы указать на положительные черты методологии В. В. Бычкова, давшей ему весьма эффективную возможность проникнуть в патристическое учение об образе. В. В. Бычков сумел оживить для нас и сделать понятными все эти, казалось бы, давно ушедшие от нас в глубь веков средневековые концепции и учения. Прежде всего, диссертант вовсе не хочет сводить всю эту образность только на одни сакральные конструкции. Вся материальная действительность, вплоть до методов

чистейшего натурализма, находит для себя место, по мнению автора, в тогдашней эстетической образности. Далее, автор весьма наглядно и убедительно обнаруживает несводимость формулируемой в те времена образности на простое натуралистическое копирование. Он доказывает и логически постулирует необходимость в патристической эстетике также и тех духовных предметов и тех высоких предметов, которые в те времена только и делали художественный образ чем-то идейным и глубоко осмысленным. Из такого анализа историко-эстетических учений для читателей диссертации сразу же возникает весьма понятное и необходимое убеждение в том, что эта диалектика образа и его предметного смысла одинаково характерна и для тех времен, и для современной нам эстетики, если она хочет оставаться на почве здравого смысла и здравого отношения субъекта к объекту. Мы не обязаны употреблять такие термины, как «духовность» или «умонепостигаемость», но мы во всяком случае обязаны говорить об идейности искусства и об его вечном призыве жить и работать для лучшего будущего. Иерархический характер образности, столь абстрактный и непонятный для современного читателя тогдашней литературы, становится в изложении В. В. Бычкова весьма конкретным и весьма понятным принципом художественного образа и — опять-таки совершенно одинаково — и для той литературы и для нас. Мы ведь тоже ценим такую художественную образность, которая полна общественно-исторического прогресса и ведет человечество к освобождению от рабства человека среди природных сил и от рабства одного человека в зависимости от другого человека.

Диссертант, как я сказал выше, рассматривает патристическую эстетику строго исторически, идя от апологетов (II в.) к эстетической образности каппадокийцев (IV в.), от каппадокийцев к Ареопагитикам (V в.) и от Ареопагитик к спорам об иконопочитании (VIII–IX вв.). Эта история весьма важна. Но, пожалуй, является еще более важной и ценной попытка В. В. Бычкова вскрыть рациональный, а точнее сказать, самый доподлинный диалектический смысл патристического учения об образе в связи с учением о сущности и явлении. Все относящиеся сюда страницы диссертации звучат для современного читателя, я бы сказал, весьма поучительно. Можно не признавать иконопочитания. Но не признавать диалектики сущности и явления в настоящее время ни для кого уже невозможно, поскольку и наша теория, отличая сущность и явление, утверждает, что сущность является, т. е. проявляется, а явление существенно. Таким образом, становится ясно, что византийские иконоборцы VIII–IX вв. являются просто отдаленными предшественниками кантовского дуализма, а иконопочитатели той поры — отдаленными предшественниками диалектики сущности и явления. Однако диссертанту, В. В. Бычкову, как никому другому, глубочайшим образом понятна та мировоззренческая пропасть, которая отделяет нашу современность от средневековых религиозно-философских споров. Наконец, в области учения о средневековой эстетической образности с большой отрадой для себя я должен отметить интерес В. В. Бычкова к эстетической терминологии, поскольку и я сам всегда считал невозможной историю эстетики без тщательнейших историко-терминологических исследований.

Много интересного можно вычитать в диссертации В. В. Бычкова и по вопросу о патристической оценке искусства. Но входить в эту область я сейчас не стану.

Само собой разумеется, диссертация В. В. Бычкова отнюдь не лишена разного рода недостатков и упущений. Но перед лицом несомненных научно-исторических достижений В. В. Бычкова в анализе трудной и только с большими усилиями приводимой к ясности отдаленной от нас эпохи у меня нет желания перечислять все эти упущения, да едва ли и есть в этом какой-нибудь объективный смысл. Я бы мог сказать, что термин «эмоция» не есть термин ни античный, ни раннепатристический, ни средневековый. Это — термин новой и новейшей эстетики на Западе. Я, по крайней мере, избегаю его в своих работах по античной эстетике. Я бы больше выдвинул в патристической эстетике момент антропотеизма, играющий там, как мне кажется, не меньшую роль, чем вся теория креационизма. У апологетов я отчетливо нахожу черты стоического платонизма. Неоплатонизм каппадокийцев я в своих работах

выдвигаю меньше, чем это делает диссертант. В ареопагитской теории я в более сильных выражениях формулирую триадическую структуру, залегающую здесь иерархическую диалектику. Но все такого рода вопросы зависят не только от предмета изучения, но и от точки зрения на этот предмет. А точка зрения в этой запутанной области может быть самая разная. Поэтому навязывать диссертанту мою собственную точку зрения и во что бы то ни стало требовать от него, да и от кого бы то ни было вообще, обязательного ее проведения я считаю для себя занятием мало целесообразным и мало осмысленным. Поэтому в моих глазах безусловно берут верх именно положительные достижения диссертации и среди них особенно: владение трудными первоисточниками в их подлиннике; общий дух историзма; умело проводимая ориентация патристической эстетики среди гибнущего рабовладения и наступающего феодализма; умение формулировать специфические особенности эстетики тех времен; владение диалектическим методом, черты которого всегда достаточно ярко подмечаются диссертантом в изучаемых им исторических материалах; чувство единства исторических периодов мировой эстетики наряду с отчетливо проводимой их взаимной прогивоположенностью; и наконец углубленный историко-терминологический интерес.

Все эти особенности диссертации В. В. Бычкова заставляют меня признать ее вполне соответствующей нашим современным требованиям, которые предъявляются к докторским диссертациям, и тем самым признать В. В. Бычкова вполне достойным присуждения ему ученой степени доктора философских наук. Без использования выводов этой диссертации теперь уже нельзя будет говорить о такой темной и запутанной области, как эстетика ранней патристики и как ее последующее, средневековое развитие.

Концевые сноски:

ⁱ Примечание В. В. Бычкова (31.08.24):

Современному читателю этого интересного документа, отражающего суть того времени, когда он был написан, надо дать некоторые разъяснения. Начало 80-х — это еще Советский Союз, в котором была официально принята одна идеология и одна методология, в гуманитарных науках по крайней мере, — так называемая «марксистско-ленинская». Моя диссертация должна была защищаться на совете по защите диссертаций Института философии АН СССР, где я работал. Совет состоял из докторов наук — членов коммунистической партии СССР, для которых религия и все с ней связанное рассматривалось как «опиум для народа». Диссертация по любой теме, связанной с патристикой, т. е. с богословием Отцов Церкви, еще ни разу не защищалась в подобном совете, для многих его членов она просто считалась ненаучной. Правда, времена уже были не столь ригористичными в отношении религии, как 20–40–60 лет до этого, тем не менее для Института философии это было очень непривычно, мягко говоря. Отношение к религии и всему церковному радикально изменилось в нашей стране только после 1988 г. (празднования 1000-летия Крещения Руси). Лосев хорошо понимал всю сложность моей ситуации, предполагал, что такую диссертацию, хотя и по эстетике, будет трудно защитить в данном совете из-за господствовавших в нем идеологических предрассудков, поэтому своим отзывом он бросал «спасательный круг» диссертанту, отважившемуся на подобный шаг. Встречающиеся в отзыве выражения и термины: «правильный идеологический путь», «марксистско-ленинская методология», «материализм», «феодализм», «рабовладение», «идейность искусства», «общественно-исторический прогресс», «мировоззренческая пропасть» и т. п. — по существу не имеют к тексту диссертации никакого отношения. Это то, что в издательской среде того времени, наряду с цитатами из «классиков марксизма-ленинизма», называлось «огнетушителями». С их помощью Алексей Федорович пытался показать, что диссертация находится в официальном идеологическом русле и может быть защищена на совете, состоящем из одних марксистов-атеистов. Думаю, что отзыв Лосева сыграл свою роль в том, что голосование было позитивным и единодушным. Моя же методология хорошо видна в моих многочисленных публикациях по патристической эстетике и, прежде всего, в фундаментальных монографиях: *Эстетика поздней античности. II–III века [маскировочное название; точнее книга должна была называться «Эстетика ранней патристики»]*. М.: Наука, 1981. 326 с.; *Aesthetica Patrum. Эстетика Отцов Церкви. Апологеты. Блаженный Августин*. М.: Ладомир, 1995. 594 с.; *Византийская эстетика. Исторический ракурс*. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 768 с.